ИСТОРИЯ

Сталин зашатался, но не упал. Паника 16 октября 1941 года в Москве

Михаил Михайлов

18 октября 2024

Москва в конце 1941 года

Радио Свобода повторяет публикацию из цикла "Развилки" – серии статей о переломных моментах истории, когда она могла пойти совсем другим путем. Какими были исторические альтернативы и почему они остались нереализованными?

Здесь вы можете найти ссылки на другие серии цикла.

"Москву защищать некем и нечем"

День 16 октября 1941 года запомнился многим москвичам запахом горелой бумаги и пеплом в воздухе от сожженных документов. Закрытое метро. Толпы на вокзалах, пытающиеся эвакуироваться из столицы СССР. Колонны машин, ползущие на

восток, с трудом пробивающиеся вдоль скопления тех, кто решил уходить из города пешком. В уличных толпах – самые невероятные слухи.

Паника была вызвана вышедшим 15 октября секретным постановлением Госкомитета обороны (ГКО). Утром этого дня Иосиф Сталин собрал членов Политбюро и предложил им эвакуироваться. Из столицы немедленно вывозили Генеральный штаб – в Арзамас, а в Куйбышев (ныне Самара) – наркоматы обороны и военно-морского флота. Туда же в тот же день отправляли весь дипломатический корпус, президиум Верховного Совета СССР и правительство (Совнарком). Сам Сталин, как было записано в документе, "эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке".

Точной информации о местонахождении наступающих германских войск не имелось. Кажется, что всезнающий Лаврентий Берия, например, 16-го был уверен, что немцы дошли до Одинцова, чего и близко не было. У части жителей создалось полное впечатление, что немецкая армия вот-вот возьмет штурмом Москву. По городу распространились панические слухи, что столица СССР обречена и ее сдадут немцам.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Арифметика морозной битвы. Мог ли вермахт взять Москву?

Почти полтора месяца после взятия Смоленска германская армия на центральном участке фронта находилась в ожидании. Контрудары Красной армии она отбила, но пойти вперед не могла. Крупные танковые соединения, обеспечившие начало блицкрига, были изъяты Гитлером, вопреки мнению генералов, из состава группы армий "Центр" и повернуты на юг –для окружения советских войск на территории Украины. После того, как танковая группа Гудериана ударом с севера замкнула кольцо окружения восточнее Киева, образовался гигантский котел, вырваться из которого советские силы не смогли. По данным военного историка Дмитрия Волкогонова, в плен попало не более 600 тысяч бойцов Красной армии, как сообщали немцы, а 453 тысячи человек, в том числе до 60 тысяч командиров, но и это число огромно.

После разгрома окруженных под Киевом ударные танковые армии немцев были возвращены на центральный участок фронта и даже пополнены соединениями, отведенными от блокированного Ленинграда. Генералы, командовавшие силами вермахта – Гальдер, фон Бок, фон Браухич, – были убеждены в том, что Гитлер

совершил ошибку: потеряно время и возможность наступать на Москву до прихода осенней слякоти и морозов. Они готовились к новой, более рискованной попытке приблизиться к столице СССР.

Начало войны было для Сталина и его армии крайне неудачным. Колонна военнопленных красноармейцев под Минском в июле 1941 года

Главные силы группы "Центр" под командованием Федора фон Бока начали наступление на разных участках фронта с 30 сентября по 2 ноября. Операция "Тайфун" должна была привести к полной победе германской армии и взятию Москвы. Передовые подразделения 2-й танковой группы Гудериана начали атаку 30 сентября, а уже 3 октября заняли Орел, где по улицам ходили трамваи, и развили наступление на Мценск и Тулу. 6 октября немецкая танковая дивизия вышла с тыла к Брянску и захватила его. Утром того же дня был оккупирован Карачев. Генерал Еременко был вынужден отдать приказ армиям пробиваться на восток из окружения под Брянском, в которое попали три советские армии: 27 дивизий, 2 танковые бригады, 19 артиллерийских полков.

Второе сражение началось севернее Минского шоссе 3 октября 1941 года. На участке прорыва четыре немецких корпуса атаковали две советских стрелковых дивизии. Южнее наступал еще один армейский корпус. Всего в составе ударной группировки вермахта было около 11 пехотных дивизий, 3 танковых и 2 моторизованных, имевших более 420 танков. Через несколько часов полоса обороны 30-й армии была прорвана, а попытка контрудара оказалась неудачной. В

танковом бою южнее Холм-Жирковского советские войска потерпели поражение. Несмотря на просьбу командовавшего Западным фронтом генерала Ивана Конева дать 4 октября "добро" на отход, Сталин разрешил отступать только после 5 октября. Запоздалый приказ мог дойти до войск лишь 6-го, а 7-го немецкие силы уже замкнули кольцо окружения войск Западного и Резервного фронтов. Известна запоздалая радиограмма Сталина от 8 октября, требовавшего отвода войск: "... Москву защищать некем и нечем. Повторяю: некем и нечем".

Войска Рейха окружили в районе Вязьмы четыре советские армии. К 9 октября передовой отряд из 10 танков захватил Гжатск. Так было сформировано и внешнее кольцо вокруг окруженных под Вязьмой советских армий. До 11 октября советские войска предпринимали отчаянные попытки прорваться, только 12-го удалось на короткое время прорвать кольцо, но брешь вскоре была вновь закрыта.

> **“ Тысячи вооруженных людей метались в кольце пожаров, пугаясь выстрелов и танков противника**

Красная армия потерпела тяжелое поражение, но бои в лесах и попытки прорывов на восток еще продолжались. Вспоминает ополченец, художник Николай Обрыньба: "Ночью все приходило в движение, по дорогам шли вооруженные и безоружные бойцы, двигались орудия, госпитали — все в каком-то одном направлении. Но вот начинали попадаться машины, пешие, раненые, идущие навстречу, и шепот шел по колоннам: "Прорыв не там, совсем в другой стороне..." И через час-два основной поток уже поворачивал в противоположном направлении. Мы мотались всю ночь, а утром нас опять и опять бомбили, и мы уже не старались найти свою колонну, казалось, что малой группой вернее просочиться сквозь кольцо окружения. ...Между тем волнами налетали "мессеры" и превращали колонны в разрозненные группы, самолетов было столько, что, обнаружив даже небольшую группу, даже одного человека, налетали на бреющем полете и обстреливали из пулеметов. Охотились безнаказанно. Бомбили, сбрасывали листовки: "Бойцы, сдавайтесь, и вы будете отпущены на свободу". Бойцы бросали тяжелые орудия, танки, в которых кончалось горючее, взрывали первые "Катюши". И сотни, тысячи вооруженных людей метались в кольце пожаров, пугаясь выстрелов и танков противника".

В приказе командующего группой армий "Центр" фельдмаршала фон Бока от 19 октября 1941 года говорится о том, что "захвачено: 673098 пленных, 1277 танков, 4378 артиллерийских орудий". По подсчетам современных исследователей, потери Красной армии убитыми и ранеными в этом сражении составили более 500 тысяч, вышли из котлов свыше 85 тысяч человек. Героические бои окруженцев на две недели задержали немецкое продвижение к Москве. Противник потерял до 150 тысяч солдат и офицеров. Казалось, германская победа близка, но на Можайскую

линию обороны и промежуточные рубежи подходили резервные силы Красной армии, хотя их было пока недостаточно. 2 октября пала Калуга, 14 октября – Боровск, Калинин (ныне Тверь), к 16 октября под угрозой были Можайск и Малоярославец. Казалось, вермахт сможет окружить Москву.

"Вследствие трусости в связи с приближением фронта"

Главным фактором начала паники стал возможный прорыв Можайской линии обороны передовыми отрядами немцев и приближение их к Москве. Совинформбюро передало понятное опытным слушателям сообщение об ухудшении положения на западном направлении и "прорыве обороны на одном из участков", что также могло напугать население. Жителям Москвы никто не сообщал, что происходит. Они были брошены на произвол судьбы и никому не нужны.

16 октября опустели кабинеты здания Центрального комитета ВКП(б) на Старой площади. Как потом докладывал сотрудник НКГБ, в помещениях не было никого, все техническое хозяйство здания, ценные вещи и оборудование были оставлены без всякого присмотра: "Ни одного работника ЦК ВКП(б), который мог бы привести все помещение в порядок и сжечь имеющуюся секретную переписку, оставлено не было. В кабинетах аппарата ЦК царил полный хаос. Многие замки столов и сами столы взломаны, разбросаны бланки и всевозможная переписка, в том числе и секретная, директивы ЦК ВКП(б) и другие документы..."

Писатель Даниил Гранин запомнил рассказ зампреда Совнаркома и комиссии СНК по эвакуации Алексея Косыгина: "Правительство эвакуировалось в Куйбышев. Совнаркомовские кабинеты опустели. Двери открыты настежь. Повсюду звонили телефоны. Косыгин переходил из кабинета в кабинет, брал трубку, отвечал, чтобы показать, что власть работает".

Лаврентий Берия и Иосиф Сталин во времена более благополучные, чем 1941 год

Есть версия, что в ночь на 16 октября в клубе НКВД Лаврентий Берия собрал первых секретарей райкомов партии и заявил: "Фронт прорван. Оставьте в районе актив для защиты Москвы. Стариков и детей эвакуируйте. Утром раздайте продукты, чтобы они не достались врагу..."

Главное карательное ведомство продолжало проводить репрессии. По приказу Сталина по спискам, завизированным Берией, были проведены расстрелы политзаключенных. 16 октября 1941 года на объекте "Коммунарка" было расстреляно 220 человек. Среди них военные – комкор Максим Магер, бригадный комиссар Василий Давыдов, генералы Степан Оборин, Сергей Черных. В числе жертв были жена секретаря Сталина Александра Поскребышева – Бронислава Металликова и литератор, агент разведки ИНО НКВД в Париже Сергей Эфрон. "Врагов народа", содержавшихся в тюрьмах Москвы, стали срочно вывозить, в частности, в Саратовскую и Куйбышевскую тюрьмы. 28 октября в карьере поселке Барбыш под Куйбышевом без суда по распоряжению Берии были расстреляны 20 советских генералов и конструкторов, среди них Григорий Штерн, Павел Рычагов, Яков Смушкевич, Федор Арженухин, оружейник Яков Таубин.

Лаврентию Берии и секретарю Московского горкома ВКП(б) Александру Щербакову было поручено "в случае появления войск противника у ворот

Москвы... произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также всего электрооборудования метро (исключая водопровод и канализацию)".

По приказу наркома путей сообщения Лазаря Кагановича метрополитен уже с 15 октября начали готовить к уничтожению. 16 октября утром были закрыты все входы в метро. Станции и тоннели обесточили и заминировали или подготовили к затоплению. Но днем власти передумали и решили возобновить движение, вдвое увеличив интервал между поездами. Вечером 16-го продолжилось движение по Кировскому радиусу, через день – по Горьковскому, и подземку вновь запустили.

В обстановке неразберихи был выполнен приказ об уничтожении вышки радиостанции имени Коминтерна, находившейся в 50 километрах к востоку от Москвы.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Кровавым языком потерь. Почему Гитлер напал, но не мог победить

Члены ГКО опасались проводить минирование работающих предприятий. Из-за этого Сталин подписал приказ прекратить работу на заводах и фабриках с 16 октября 1941 года. Естественно, что на немногих заводах смогли выдать работникам месячную зарплату, как это предполагалось: учреждения Госбанка также закрылись или эвакуировались, деньги негде было получить.

В некоторых случаях директора организаций выписали деньги лишь сами себе. Ректор Первого московского медицинского института Василий Парин выдал себе и своим подчиненным 78 тысяч рублей, тогда как ему разрешено было использовать на эвакуацию 10 тысяч. Как выяснилось, Парин и группа подчиненных на автомашинах уехали из Москвы, "оставив без руководства госпиталь с ранеными (около 200 человек), ряд клиник с больными, коллектив профессорско-преподавательского состава и студентов". Руководители Комитета по физкультуре и спорту спешно уехали в Свердловск: "Они захватили с собой всю денежную наличность в сумме 100 тысяч рублей, печати и не оставили даже оформленных чеков в банк на получение денег для расчета со всеми сотрудниками комитета", – жаловались чиновники.

Литературовед Эмма Герштейн рисует такую картину: "Кругом летали, разносимые ветром, клочья рваных документов и марксистских политических

брошюр. В женских парикмахерских не хватало места для клиенток, "дамы" выстраивали очередь на тротуарах. Немцы идут – надо прически делать".

> **“ Немцы идут – надо прически делать**

В своих мемуарах востоковед Георгий Мирский зафиксировал впечатлившую его в те дни картину: "16 октября наибольшее впечатление производили мусорные ящики в московских дворах. Они были доверху набиты книгами в красном переплете. Это были сочинения Ленина. Они не помещались в контейнерах, их сваливали прямо на улицах и жгли. Весь центр Москвы был в этом дыму. На Кузнецком мосту, на Лубянке, на Мясницкой шел черный снег – пепел сожженных документов. По улицам летали бумаги с грифом "Секретно". Зав организационно-инструкторским отделом МГК ВКП(б) Сергей Наголкин позже подготовил записку "О фактах уничтожения партийных билетов 16–17 октября 1941 года в Москве": "Выявлен 1551 случай уничтожения коммунистами своих партийных документов. Большинство коммунистов уничтожили партдокументы вследствие трусости в связи с приближением фронта".

"Народ неожиданно остался ни при чем"

Влиятельные и не очень начальники пытались вывезти семьи и свое имущество. Железнодорожники одним отказывали, других грузили. Возникали скандалы и стычки. График подачи поездов не соблюдался. В дневнике писателя Корнея Чуковского описан Казанский вокзал: "Вся площадь вокруг вокзала запружена народом – на вокзал напирало не меньше 15 тысяч человек, и было невозможно... пробраться к своему вагону". Носильщики за то, чтобы пробиваться к вагонам с вещами через толпу, брали грабительские пятьдесят рублей за место. Вместе с обычными поездами к платформам вокзалов для эвакуации подгоняли составы из вагонов метро, были использованы и электрички. Британское посольство ехало в товарных вагонах, в которых до этого везли уголь. Секретарь Союза писателей СССР Александр Фадеев сообщал в ЦК о том, что поэт Василий Лебедев-Кумач "привез на вокзал два пикапа вещей, не мог их погрузить в течение двух суток и психически помешался". Замнаркома путей сообщения Николай Дубровин вспоминал, что к вечеру на Казанский и Северный (тогдашнее название Ярославского) вокзалы подали более ста составов. За ночь с 16 на 17 октября из Москвы удалось отправить около 150 тысяч человек.

Работники Московского горкома ВКП(б) были вывезены в Горький. Видимо, в вокзальном хаосе был потерян секретный груз. 18 октября замнаркома внутренних дел Иван Серов доложил начальству: "Сегодня, в 15 часов, при обходе тоннеля Курского вокзала работниками железнодорожного отдела милиции было обнаружено тринадцать мест бесхозяйственного багажа. При вскрытии багажа

оказалось, что там находятся секретные пакеты МК ВКП (б), партийные документы: партбилеты и учетные карточки, личные карточки на руководящих работников МК, МГК, облисполкома и областного управления НКВД, а также на секретарей райкомов города Москвы и Московской области".

С точки зрения чекистов, попади эти документы к противнику, они помогли бы ему бороться с советским подпольем, которое собирались оставить в столице в случае ее оккупации. Такой план был. В отчете замначальника УНКВД по Москве и Московской области А.В. Петрова от 3 ноября 1941 года говорится о создании агентурно-осведомительной сети общей численностью 676 человек для проведения разведывательной и диверсионной деятельности в тылу противника.

Баррикады и заграждения на улицах Москвы в октябре 1941 года

После начала эвакуации в столице начались грабежи складов и магазинов под лозунгом "Не оставлять же немцам". Во второй половине дня встали трамваи и троллейбусы, перестало работать отопление. Главный инженер ГПЗ №1 Сурнакин вспоминал: "Народ неожиданно остался ни при чем. Многие говорили: "Дали б нам оружие, мы б пошли воевать. А то получи расчет и уходи". Но власти по этому пути не пошли: оружия, как известно, ранее не хватало при формировании ополчения. Да и как бы его использовали граждане? Очевидцы описывают сцены явного стихийного бунта во многих районах Москвы и пригородов. Георгий Мирский был в центре города: "На площадь Восстания (Кудринская) вытащили откуда-то пушку

и не знают, в какую сторону ее повернуть. Говорят, что мосты заминированы. Начали громить магазины, и я видел, как по улице Красина, что ведет к Тишинскому рынку, бегут люди, которые тащат ящики с водкой и другими продуктами". "У магазинов огромные очереди, в магазинах сперто и сплошной бабий крик. Объявления: выдают все товары по всем талонам за весь месяц. Многие заводы закрылись, с рабочими произведен расчет, выдана зарплата за месяц вперед. Много грузовиков с эвакуированными: мешки, чемоданы, ящики, подушки, люди с поднятыми воротниками, закутанные в платки".

С 16 октября вереницы машин медленно двигались в восточном направлении. На шоссе Энтузиастов в Балашихе произошли нападения рабочих завода №219 на автотранспорт. Они захватывали имущество эвакуированных. НКВД докладывал: "В рабочем поселке этого завода имеют место беспорядки, вызванные неправильными действиями администрации и нехваткой денежных знаков для выплаты зарплаты". Рабочие Московского мясокомбината имени Микояна утром 16 октября, уходя из цехов в отпуск, растащили до 5 тонн колбасных изделий. "Вынос продуктов был прекращен усилиями бойцов охраны и истребительного батальона". На Ногинском заводе №12 рабочие требовали от директора Невструева раздать им со склада 30 тонн спирта. Тот предпочел слить спирт в канализацию. "Группа рабочих этого же завода днем напала на ответственных работников одного из главков Наркомата боеприпасов, ехавших из города Москвы по эвакуации, избила их и разграбила вещи..."

СМОТРИ ТАКЖЕ

Неравный бой с государством. Маленькие люди в стране бесправия

"Директор фабрики "Рот Фронт" (Кировский район города Москвы) Бузанов разрешил выдать рабочим имевшиеся на фабрике печенье и конфеты. Во время раздачи печенья и конфет между отдельными пьяными рабочими произошла драка. По прибытии на место работников милиции порядок был восстановлен". "Рабочие совхоза "Коммунарка" пытались разграбить имущество, принадлежавшее поселку 2-го спецотдела НКВД". "16 октября группа грузчиков и шоферов... завода №230 взломала замки складов и похитила спирт. 17 октября утром та же группа людей... с присоединившейся к ним толпой снова стала грабить склад. При попытке воспрепятствовать расхищению склада избиты секретарь парткома завода и представитель райкома ВКП(б). Замдиректора завода... сбежал". "17 октября на заводе №69 Наркомата вооружения во время погрузки технического спирта для отправки в г. Свердловск группа рабочих силой изъяла бочку со

спиртом и организовала пьянку. Парторг ЦК ВКП(б)... с завода сбежал". Таковы были данные из справки начальника УНКВД по г. Москве и Московской области М.И. Журавлева "О реагировании населения на приближение врага к столице" от 18 октября 1941 года.

> **“ Во время раздачи печенья и конфет между отдельными пьяными рабочими произошла драка**

Подобных фактов в документах можно найти много: "17 октября рабочие завода электротермического оборудования, требуя выдачи зарплаты, вооружились молотками и лопатами, окружили территорию завода и никого не выпускали". "На шарикоподшипниковом заводе №2 рабочие собирались большими группами и проявляли намерения сломать станки". "17 октября собравшиеся у ворот автозавода ЗИС полторы тысячи рабочих требовали пропустить их на территорию и выдать зарплату. Вахтеру, охранявшему проходную, разбили голову лопатой, двух милиционеров избили".

"Как крысы с тонущего корабля"

Рабочие начали публично высказываться о бегущей "народной власти". Вот что есть в сводках. "На заводе №8 около тысячи рабочих пытались проникнуть во двор. Отдельные лица при этом вели резкую контрреволюционную агитацию и требовали разминировать завод". "В связи с тем, что на заводе №58 не была выдана зарплата, рабочие ходили толпами, требуя денег. Со стороны отдельных рабочих имели место выкрики: "Бей коммунистов!" и др.". Интересно, каковы еще были эти "др." лозунги?

Успешный советский писатель Аркадий Первенцев, ехавший на своей машине с шофером, чудом спасся от толпы: "Несколько человек бросились на подножки, на крышу, застучали кулаками по стеклу. Под ударами кулаков рассыпалось и вылетело стекло возле шофера. Машину схватили десятки рук и сволокли на обочину, какой-то человек поднял капот и начал рвать электропроводку. Десятки рук потянулись в машину и вытащили жену.

Красноармейцы пытались оттеснить толпу, но ничего не получилось. Толпа кричала, шумела и приготовилась к расправе. Я знаю нашу русскую толпу. Эти люди, подогретые соответствующими лозунгами 1917 года, растащили имения, убили помещиков, бросили фронт, убили офицеров, разгромили винные склады... Это ужасная толпа предместий наших столиц, босяки, скрытые двадцать лет под фиговым листком профсоюзов и комсомола. Армия, защищавшая шоссе, была беспомощна. Милиция умыла руки. Я видел, как грабили машины, и во мне поднялось огромное чувство ненависти к этой стихии.

Я посмотрел на их разъяренные, страшные лица, на провалившиеся щеки, на черные, засаленные пальто и рваные башмаки, и вдруг увидел страшную пропасть, разъединявшую нас, сегодняшних бар, и этих пролетариев. Они видели во мне барина, лучше жившего во времена трагического напряжения сил при всех невзгодах пятилеток и сейчас позорно бросающего их на произвол судьбы". Увидев документы писателя, грабители все же не тронули Первенцева. Дали ему уехать, успев, правда, украсть пиджак и унты.

Литератор Николай Вержбицкий записывал в дневнике: "18 октября. Все ломают головы над причинами паники, возникшей накануне. Кто властный издал приказ о закрытии заводов? О расчете с рабочими? Кто автор всего этого кавардака, повального бегства, хищений, смятения в умах? Кипит возмущение, громко говорят, кричат о предательстве, о том, что "капитаны первыми сбежали с кораблей", да еще прихватили с собой ценности... У рабочих злоба против головки, которая бежала в первую очередь. Истерика наверху передалась массе. Начинают вспоминать и перечислять все обиды, притеснения, несправедливости, зажим, бюрократическое издевательство чиновников, зазнайство и самоуверенность партийцев, драконовские указы, лишения, систематический обман масс, газетную брехню подхалимов и славословие..."

Станция метро "Маяковская", использовавшаяся в 1941 году в качестве бомбоубежища при налетах немецкой авиации

Лев Ларский был в 1941 году десятиклассником. Через много лет после 16 октября он вспоминал, что происходило на Владимирском тракте, он же шоссе Энтузиастов: "В потоке машин, несшемся от Заставы Ильича, я видел заграничные лимузины с "кремлевскими" сигнальными рожками: это удирало Большое Партийное начальство! По машинам я сразу определял, какое начальство драпает: самое высокое – в заграничных, пониже – в наших "эмках", более мелкое – в старых "газиках", самое мелкое – в автобусах, в машинах скорой помощи, "Мясо", "Хлеб", "Московские котлеты", в "черных воронках", в грузовиках, в пожарных машинах... А рядовые партийцы бежали пешком по тротуарам, обочинам и трамвайным путям, таща чемоданы, узлы, авоськи и увлекая личным примером беспартийных... В потоке беженцев уже все смешалось: люди, автомобили, телеги, тракторы, коровы – стада из пригородных колхозов гнали!.. В три часа на мосту произошел затор. Вместо того чтобы спихнуть с моста застрявшие грузовики и ликвидировать пробку, все первым делом бросались захватывать в них места.

Форменный бой шел: те, кто сидел на грузовиках, отчаянно отбивались от нападавших, били их чемоданами прямо по головам... Атакующие лезли друг на друга, врывались в кузова и выбрасывали оттуда оборонявшихся, как мешки с картошкой. Но только захватчики успевали усесться, только машины пытались тронуться, как на них снова бросалась следующая волна..." – так Лев Ларский описал панику на выезде из Москвы.

"Как крысы с тонущего корабля, бежали из Москвы директора заводов, крупные советские чиновники, работники центрального аппарата, захватывая поезда и автомобили. Народ, не имеющий ни автомобилей, ни привилегий на проезд по железной дороге, перехватывал беглецов, избивал, устраивал им "станции Березайка – вылезай-ка". На заставах, установленных рабочими, потрошили чемоданы, находили пачки денег в банковской упаковке. В громадном и сложном аппарате обломились зубья ведущей шестерни: машина застопорила", – вспоминал уже в эмиграции находившийся 16 октября 1941 года в поездке с фронта в Москву писатель Михаил Коряков.

"Товарищ Сталин – честный человек"

С другой стороны, не все в Москве бросились в бега. Одни решили: будь что будет, других сдерживали здоровье и семейные проблемы. Кто-то искренне верил, что Москва сдана не будет. Как оказалось, оставаться было тоже опасно. Власти волновались, что не выезжают, например ученые, и подсчитывали, сколько еще не отправились в эвакуацию: по данным Моссовета, "в Москве оставалось почти три тысячи ученых и членов их семей. ...В их числе два академика, 10 членов-корреспондентов, 36 докторов наук и 367 квалифицированных научных сотрудников". Как докладывал в ЦК ВКП(б) парторг аппарата Академии наук СССР С. Файланд, "некоторые из находящихся в Москве ученых под различными предлогами, иногда формально убедительными, не хотят выполнять решение об эвакуации... "Лучше погибнуть от немецкой бомбы, чем ехать на медленную смерть в Казань", – заявил академик Лазарев, который сказал, что он болен воспалением легких, и ехать отказался. 22 октября удалось убедить жену академика Лазарева в том, что выезд необходим. За два часа до отъезда поезда лечащий врач Лазарева профессор Фромгольд заявил, что Лазарев по состоянию здоровья выехать не может. Вечером я был у Лазарева; он не производил впечатление столь тяжело больного, каким его изобразил проф. Фромгольд. Надо заметить, что поведение проф. Фромгольд крайне подозрительно..."

> **"Когда нужно будет и если нужно будет**

Академика физика Петра Лазарева заставили все-таки уехать, он умер в Алма-Ате в апреле 1942 года. Обвиненный в "крайне подозрительном поведении"

подготовить эвакуацию, ЦК и СНК уведомят Вас

профессор медицины Егор Фромгольд был арестован 5 ноября 1941 года в связи с невыездом из Москвы. Больше 8 месяцев известный врач отсидел в Лубянской и Бутырской тюрьмах. Следователи требовали от него показаний о преступных связях с иностранцами и пораженческих настроениях. Виновным он себя не признал. 10 июня 1942 года доктор Фромгольд был приговорен к 10 годам заключения в лагерях "за антисоветскую агитацию". Врач в том же 1942 году умер в ГУЛАГе. Его пересыльный лагерь в Котласе в то время буквально вымирал от голода.

Плохи были и эвакуационные дела у выдающегося пианиста Генриха Нейгауза. За задержку с выездом из Москвы (как он объяснял, по семейным обстоятельствам), а также за откровенные разговоры с друзьями на опасные политические темы, названные "антисоветскими", Нейгауз был в ноябре 1941 года арестован. Пианист восемь с половиной месяцев находился в заключении во Внутренней тюрьме НКВД на Лубянке. Ему пришлось признать свое недовольство пактом с Гитлером, аннексией балтийских стран и войной СССР против Финляндии. Кто-то сообщил и о его сомнениях в вооружении Красной армии, хотя в победу он верил. Полгода его держали в одиночной камере. Он никого не оклеветал. Затем Нейгауз был отправлен по решению Особого совещания на 5 лет в ссылку на Урал. После ходатайств видных деятелей культуры гениальный музыкант и педагог смог работать в Свердловске, а в конце войны ему позволили вернуться в Москву...

Сталин остался в Москве, хотя для него строилась резиденция с бункером в Куйбышеве. Есть легенда, что якобы он подъезжал к своему спецпоезду, прошелся по перрону, но уезжать все же передумал. Командующий Западным фронтом Георгий Жуков оптимистично пообещал ему удержать Москву. Сталин хотел быть уверенным в своих генералах. В дни кризиса он позвонил генерал-лейтенанту Ивану Коневу, который так запомнил слова председателя ГКО: "Сталин позвонил с почти истерическими словами. Сталин говорил о себе в третьем лице: "Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин – честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам, товарищ Сталин сделает все, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение".

СМОТРИ ТАКЖЕ

Враги второй очереди. Советская шпиономания в годы войны

Диктатор мог бы вспомнить, что летом получал от главы Моссовета Василия Пронина докладную записку с проектом постановления Совнаркома СССР "О частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время". Резолюция Сталина: предложение считать несвоевременным, комиссию по эвакуации ликвидировать, разговоры об этом прекратить. Он написал: "Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию, ЦК и СНК уведомят Вас". В нужный момент по вине Сталина четкого плана эвакуации населения столицы у властей не было.

Сталин справедливо опасался уезжать из Москвы, понимая, каков будет эффект его отсутствия. В СССР и за границей решат, что вождь бежал, а Советский Союз войну проигрывает. Думается, что волновал его и вопрос личной безопасности при переезде в Куйбышев. Выступать перед москвичами по радио сам он не стал. Успокаивать столицу было поручено председателю исполкома Моссовета Василию Пронину и главе МГК ВКП(б) Александру Щербакову. Вечером 16 октября по уличным громкоговорителям и трансляционной сети жители услышали главу Моссовета Пронина. Он призвал население к спокойствию и пообещал навести порядок.

"Твердая вера и незаметная работа"

С 19 октября 1941 года ГКО ввел в Москве с 20 октября осадное положение. Текст решения, судя по обороту "сим объявляется", был написан или надиктован самим Сталиным. Был отдан приказ: "Провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте". Общее число таких случаев неизвестно. Есть только данные сводки военной комендатуры, что "19–20 октября были задержаны 1530 человек. Из них расстреляны на месте – 12, приговорены к различным срокам заключения – 7, отправлены в маршевые роты – 375". На улицах появились военные и милицейские патрули. В ходе облав в городе осенью задержали свыше 20 тысяч лиц без документов, которых в основном направляли в армию.

По всей Москве стали строить баррикады и ставить заграждения. Впрочем, они не понадобились: распутица и морозы, срыв поставок боеприпасов и продуктов, нелетная погода, а главное, бои окруженцев, растущее сопротивление Красной армии, подход ее сибирских резервов затормозили немецкие войска, застрявшие совсем рядом с недоступной Москвой. Воспользоваться московской паникой армия фон Бока не могла, даже если бы знала о происходящем.

Новый этап немецкого наступления на Москву начался 15 ноября. Гигантские потери без достаточных пополнений и неготовность к русским холодам остановили вермахт. Максимумом продвижения был рубеж Химок в 30 километрах от Кремля. В СССР стало поступать вооружение по ленд-лизу. 20

ноября впервые вступили в бой британские танки Matilda II и Valentine. Их было уже поставлено в СССР свыше 400. К началу наступления они в сумме составляли до 40% от общего числа средних и тяжелых боевых машин. Переброска с Дальнего Востока резервных войск позволила Георгию Жукову сдержать атаки противника, а затем 5 декабря начать наступление, которое смогло отбросить истощенную немецкую армию от Москвы. 15 декабря советские войска отбили Клин, 16-го – Калинин, 20 декабря немецкие войска были выбиты из Волоколамска.

Москва, осень 1941 года. Зенитная артиллерия на крыше одного из домов

Константин Симонов писал о московской панике, пытаясь ее объяснить: "В самой Москве было достаточно людей, делавших все, что было в их силах, чтобы не сдать ее. И именно поэтому она и не была сдана. Но положение на фронте под Москвой и впрямь, казалось, складывалось самым роковым образом за всю войну, и многие в Москве в этот день были в отчаянии готовы поверить, что завтра в нее войдут немцы. Как всегда, в такие трагические минуты, твердая вера и незаметная работа первых еще не была для всех очевидна, еще только обещала принести свои плоды, а растерянность, и горе, и ужас, и отчаяние вторых били в глаза".

В октябре в Москву подвезли наличные, стали выплачивать выходные пособия, восстанавливать производство на тех важных для обороны столицы предприятиях, которые не были вывезены. Часть рабочих мобилизовали в армию или отправили на строительство оборонительных сооружений. Пришло время подсчитывать убытки. Ущерб самим себе был нанесен немалый, но враг о нем не догадывался.

В секретной справке МГК ВКП(б) подведены некоторые итоги массового отъезда чиновников: "Из 438 предприятий, учреждений и организаций сбежало 779 руководящих работников. Бегство отдельных руководителей предприятий и учреждений сопровождалось крупным хищением материальных ценностей и разбазариванием имущества. Было похищено наличными деньгами за эти дни 1 484 000 рублей, а ценностей и имущества на сумму 1 051 000 рублей. Угнано сотни легковых и грузовых автомобилей".

Под суд были отданы буквально единицы из числа директоров предприятий и учреждений. В качестве таковых названы "заведующие отделами горисполкома Фрумкин и Пасечный, управляющий трестом местной промышленности Коминтерновского района Маслов, директор обувной фабрики Хачикьян, директор продбазы треста "Мосгастроном" Антонов и его зам Дементьев".

Трогать лояльную номенклатуру более высокого уровня Сталин не захотел. Неприятные события октября 1941 года советский диктатор решил не расследовать. Было понятно, что панику спровоцировали принятые им самим решения. Хотя, возможно, Сталин держал 16 октября в памяти, когда летом 1945 года на банкете высказался о событиях 1941 года, когда страна была на волоске от катастрофы: "Какой-нибудь другой народ мог сказать: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду. Но русский народ на это не пошел, русский народ не пошел на компромисс, он оказал безграничное доверие нашему правительству".

Война списала сталинизму в сознании граждан СССР много грехов. Своя жестокая диктатура оказалась предпочтительнее кровавой иноземной. Сталинскими формулами пользуются и современные российские сторонники диктатуры и экспансии. Но то, как вела себя масса жителей Москвы, явно не вписывается в благостную сталинскую картину "безграничного доверия" советскому правительству.

Установите Мобильное приложение Радио Свобода

Установить

Читайте Свободу в Телеграме

Войти

Подпишитесь на Свободу в Google новостях

Подписаться